

Анна Шилд
Ада Огнева

Трофей
БОССА-
ПОБЕДИТЕЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
Трофей босса-победителя

<https://litres.ru/74515424>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ева Орлова приходит в башню Северского, чтобы спасти отца: без срочной оплаты лечение остановят. Марк Северский готов дать деньги. Взамен она должна подписать кабальный контракт и стать его личным трофеем. Ева ненавидит человека, уничтожившего её семью, но теперь именно от него зависит жизнь самого близкого человека. Уступить — не значит сдаться. Она найдёт способ вернуть свободу и узнать правду о банкротстве отца. Если только раньше не обнаружит, что самое опасное в этой сделке — её собственное желание остаться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Шилд, Ада Огнева

Трофей босса-победителя

Трофей босса-победителя

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Из-за стекла вращающейся двери полоснуло по лицу сырым сквозняком, пахнущим бензиновой гарью, мокрым асфальтом и ледяной крупой.

Ева шагнула в атриум башни «Север-Капитал», и тяжелый, стерильный жар небоскреба мгновенно обрушился на плечи, сбивая дыхание. За закрывшейся дверью осталась промозглая ноябрьская слякоть. На стекле еще дрожало баг-

ровое отражение уличной пробки. Здесь пахло безупречно отфильтрованным воздухом, полированным камнем, горьким сандалом интерьерных диффузоров и властью — той абсолютной силой, которая покупает города целыми кварталами.

Ее бежевое пальто от Мах Мара промокло насквозь. Тонкая шерсть потемнела на плечах и груди, подол был заляпан уличной грязью, а сапоги из мягкой кожи противно чавкали, оставляя цепочку мутных следов на зеркальном черном мраморе пола, в котором отражались четыре яруса подвесных галерей и холодные синие дуги неоновой подсветки. В правой руке Ева до боли в сведенных судорогой пальцах сжимала кожаную папку с золотым тиснением «Мед-Элит».

Карман пальто коротко забился мелкой, противной вибрацией.

Ева судорожно выдернула телефон, скользнув онемевшим пальцем по влажному экрану. В ухо ударил сухой голос начмеда клиники, доктора Воронова:

— Ева Анатольевна? Лимит гарантийного депозита по карте вашего отца исчерпан в восемнадцать ноль-ноль.

— Я знаю, доктор Воронов, — выдохнула Ева, ускоряя шаг к монументальной стойке рецепции из темного оникса. Горло саднило, каждое слово царапало гортань. — Я уже в офисе «Север-Капитала». Счета холдинга заблокированы временно, это техническая судебная мера при поглощении...

— Меня не интересуют ваши корпоративные войны, —

перебил Воронов. В трубке защелкала клавиатура; врач уже открывал следующий пункт счета. — На мониторе реанимации горит отметка задолженности в восемьсот тысяч рублей за текущие сутки. Препараты для кардиостимуляции и мембранной оксигенации списываются поминутно. Если до двадцати тридцати на расчетный счет отделения не поступит подтвержденный платеж, бригада обязана отключить Анатолия Борисовича от центральной системы искусственной вентиляции легких и подготовить его к транспортировке в городскую клиническую больницу номер шестьдесят восемь.

— Он в коме! — сорвалась Ева, и ее голос взлетел под четырехэтажные своды стеклянного купола, заставив нескольких мужчин у лифтов обернуться. — Вы не можете перевозить человека на ИВЛ после стволового инсульта! Он не выдержит дороги! Это убийство!

— Это протокол оказания коммерческой помощи при отсутствии финансирования. У вас осталось ровно сто минут, Ева Анатольевна. Ровно в двадцать тридцать тумблер на панели жизнеобеспечения будет переведен в нулевое положение. До свидания.

Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам, словно удары молота.

Сто минут. Чуть больше полутора часов между жизнью ее отца и сырым полиэтиленовым мешком в приемном покое городской богадельни.

Убрав телефон в карман, она сжала папку обеими рука-

ми и почти побежала к изогнутой дуге рецепции. За стойкой сидели две холеные девушки с идеальными гладкими пучками каштановых волос, в строгих жемчужно-серых жакетах. Старшая — судя по золотистому бейджику, ее звали Виолетта — медленно подняла взгляд от монитора. Ее тонкие брови взметнулись вверх, а губы, тронутые нюдовой помадой, искривились в брезгливой гримасе:

— Добрый вечер. Вы к кому? Пропуск заказан?

— Мне нужен Марк Дмитриевич Северский. — Ева положила папку на стойку и уперлась ладонями в холодную плоскость ониксовой столешницы, подаваясь вперед. — Срочно. Доложите в приемную, что пришла Ева Орлова.

Виолетта даже не прикоснулась к клавиатуре:

— Гражданка Орлова? Господин Северский находится на закрытом селекторном совещании с синдикатом внешних кредиторов. В списках на допуск в VIP-зону вас нет и быть не может.

— Мой отец в реанимации, ваши юристы сегодня утром арестовали расчетные счета медицинского фонда!..

— Гражданка Орлова, — в голосе секретарши зазвучало неприкрытое, ядовитое торжество, — руководство службы безопасности отдало четкое распоряжение: любых представителей, родственников и ходатаев обанкротившегося холдинга «Орлов-Инвест» отправлять к судебным приставам. Марк Дмитриевич не ведет переговоров с банкротами. Покиньте помещение.

— Вызовите Рудина! Начальника службы безопасности!

— крикнула Ева, чувствуя, как кровь стучит в висках. — Скажите ему, что я здесь!

— Охрана, — не повышая тона, бросила Виолетта в интерком, даже не глядя на нее. — Выпроводите гражданку за пределы контрольно-пропускного пункта.

Справа, от массивных колонн из матированной стали, синхронно отделились двое бойцов службы безопасности в темных костюмах и кевларовых жилетах. Тот, что шел первым — массивный верзила с бейджем «Сотрудник СБ Ковалев», — протянул руку в плотной черной перчатке к левому плечу Евы:

— Девушка, разворачиваемся. Не устраивайте цирк. На выход.

Его пальцы едва коснулись мокрой шерсти пальто, но этот жест сжег в Еве последние остатки благоразумия. Гордость — та дикая, фамильная орловская порода, которую отец вколачивал в нее с детства — взвилась внутри ослепительным пламенем.

— Не смей ко мне прикасаться! — яростно выдохнула она, резко дернув плечом и сбивая его руку.

Ковалев нахмурился:

— По-хорошему не понимаем?

Он шагнул вперед, намереваясь взять ее в жесткий захват под локоть, а второй охранник уже перекрывал путь к стеклянным дверям турникетов. Взгляд Евы метнулся к табло на

стене лифтового холла: скоростной VIP-лифт, обшитый черным матовым стеклом, медленно опускался с верхних этажей: 12... 8... 4...

Она не станет ждать, пока ее выволокут под дождь, как шелудивую собаку.

Подхватив папку со стойки, Ева резко присела, уходя от широкой ладони второго амбала, и на высоких каблуках рванула прямо к линии контроля.

— Стой, дура! — рывкнул Ковалев за спиной.

Стеклянные створки турникета горели запрещающим алым светом. Ева не стала тормозить. Зажав мокрую папку под мышкой, она уперлась обеими руками в стальные тумбы ограждения, подтянула тело и одним отчаянным движением перемахнула через барьер. Каблук левого сапога с визгом скользнул по нержавеющей, папка выскользнула из-под локтя, ударилась о пол, и десятки белых листов — кардиограммы, выписки с печатями, чеки реанимации — веером разлетелись по зеркальному мрамору.

Ева бросилась к черным створкам VIP-лифта. До шахты оставалось три метра.

Тяжелая, как чугунный рельс, рука Ковалева настигла ее на втором шаге. Пальцы охранника с размаху впились в ткань ее пальто на левом плече, сгребая шерсть вместе с тонким шелком блузки, и с чудовищной силой дернули назад.

Раздался сухой, трескучий звук рвущейся материи. Широкий декоративный хлястик и половина рукава от Мах Мага

с мясом остались в кулаке охранника, обнажив белое плечо Евы и тонкую бретельку белья.

Боль обожгла ключицу, но Ева даже не вскрикнула. Развернувшись на пятке, движимая слепой яростью, она сдернула с запястья висевший на ремешке тяжелый кожаный клатч и размахнулась им и со всей силы влепила его металлическим уголком прямо в переносицу Ковалева.

Хрустнуло. Охранник глухо взвыл, отшатнулся, зажимая нос, из-под пальцев брызнула темная кровь. Второй охранник налетел сбоку, сбивая ее с ног. Его колено с размаху прижало подол ее пальто к холодному камню, широкая тяжелая ладонь заломила правую руку Евы за спину, скручивая сустав до мучительного скрежета. Еву впечатало грудью в зеркальный пол, мокрые медно-каштановые пряди рассыпались по камню, закрывая лицо.

— Руки держи! — хрипел Ковалев, сплевывая кровь на мрамор. — Руки назад заламывай, сука бешеная! В дежурку ее, ментов вызывай, нападение на охрану!..

И в эту секунду мир вокруг них словно провалился в звуковой вакуум.

В глубине лифтовой шахты раздался чистый, низкий, хрустальный перезвон. Створки VIP-лифта из черного матового триплекса плавно, бесшумно разъехались в стороны.

Воздух в атриуме изменился мгновенно. Температура словно упала на несколько градусов, а мерный гул делового небоскреба оборвался, будто кто-то повернул главный ру-

бильник. Замерли секретарши за стойкой, застыли на полушаге клерки, Ковалев с окровавленным носом поперхнулся собственным ругательством и замер с открытым ртом.

Из лифта вышел Марк Северский.

Он не спешил. Его шаг был тяжелым, размеренным, лишенным малейшей суеты — так ступает хозяин саванны, которому незачем доказывать свое право на добычу. Рост под два метра, широкие, монолитные плечи, затянутые в графитовый костюм-тройку от Brioni, сидевший на нем с той безупречной, убийственной посадкой, какая бывает только у вещей, сшитых вручную лучшими портными Лондона. Каждая складка жилета подчеркивала каменный живот и мощную грудную клетку. Лицо казалось высеченным из темного гранита: резкие, хищные скулы, тяжелая челюсть с идеальной тенью бритья и глаза цвета штормовой балтийской стали — ледяные, сканирующие, лишенные даже намека на жалость.

На его руках были тонкие перчатки из черной оленьей кожи. За его правым плечом, отставая на полтора шага, безмолвной тенью двигался Илья Рудин — начальник службы безопасности.

Ковалев, прижимая к носу окровавленную ладонь, торопливо забормотал:

— Марк Дмитриевич! Нарушительница без пропуска... Перемахнула через ограждение, напала на караул... Дочь Орлова... Мы сейчас уберем ее, полиция уже вызвана...

Северский остановился в двух шагах.

Он медленно поднял правую руку в черной перчатке — короткий, едва заметный жест указательного пальца. Ковалев моментально замолчал, втянув голову в плечи.

Взгляд Северского опустился вниз.

Он смотрел на Еву долго, не моргая. Взгляд хищника, лениво оценивающего добычу, посмевавшую ввалиться в его логово. Он медленно провел глазами по разорванному рукаву пальто, обнаженному белому плечу, по тонким запястьям, скрученным охраной, по мокрым медным волосам и, наконец, остановился на ее лице.

Ева не опустила глаз. Лежа на холодном камне, придавленная чужим коленом, она вскинула подбородок. В ее серо-зеленых глазах бушевал такой шторм чистой ненависти, что воздух между ними затрещал. Грудь девушки ходила ходуном, шелковая рубашка промокла и липла к телу, очерчивая высокую, дрожащую от бешенства грудь.

В глубине стальных зрачков Марка на долю секунды вспыхнула темная, голодная искра.

Он медленно поднес левую руку к пальцам правой перчатки. С тихим, ласкающим слух скрипом дорогой кожи он стянул перчатку с руки, обнажая широкую мужскую ладонь с тяжелыми костяшками и часами Patek Philippe на мускулистом запястье.

Затем заговорил. Его голос был низким, густым, вибрирующим темным баритоном:

— Уберите с нее руки. Оба.

Охранник отпрянул так, будто коснулся раскаленного металла, споткнулся и попятился назад, прижимая ладонь к сломанному носу. Второй боец молча помог Еве подняться и тут же растворился за колоннами.

— И исчезни с моих глаз до конца смены, — не повышая тона, добавил Марк. — Если я еще раз увижу синяк на ее теле — ты будешь охранять котлован в Заполярье.

Рудин тем временем наклонился, собрал с пола листы медицинской выписки и вложил их в поднятую папку. Папку он протянул Северскому, а клатч — Еве.

Марк взял папку за край. Бумажный угол выступал из-под клапана, но он смотрел поверх него — на пылающее лицо Евы, словно ее ответ значил больше любой выписки.

— Ты опоздала на три недели, волчонок, — негромко произнес он, и в уголках его губ скользнула тень ледяной усмешки. — Твой отец проиграл эту войну еще в октябре. Но раз уж ты пробила оборону моей башни — лифт ждет. За мной.

Глава 2

Он развернулся на каблуках и шагнул обратно в кабину VIP-лифта, не оборачиваясь. Он знал, что она пойдет следом. Потому что за его спиной лежала единственная тонкая нить, отделявшая ее отца от могилы.

Кабина лифта взлетала с беззвучной скоростью экспресса. Стеклопанельная стена распахивала за собой панораму вечерней Москвы: гигантский мегаполис стремительно проваливался вниз, в темную бездну, затянутую мокрым снегом. Высота давила на уши, но Ева стояла в углу кабины, вжавшись спиной в стальную поручень, и не отрывала взгляда от широкой спины Северского.

Он держал папку в опущенной руке и смотрел на табло этажей. Ева ловила в стекле его отражение, надеясь встретиться глазами, но видела лишь неподвижный профиль. Запах его парфюма — морозный, горький бергамот, переплетенный с нотами кубинского табака и сандала — заполнял тесное пространство лифта, вытесняя запах дождя.

На шестидесятом этаже двери разъехались с еле слышным шелестом.

Рудин остался в приемной. Ева переступила порог кабинета Марка и невольно затаила дыхание.

Пространство подавляло: трехсотметровый зал, пятиметровые потолки, пол из темного брашированного дерева, сте-

ны из черного базальта и полированной стали. Ни одной лишней детали — только хирургическая чистота абсолютно-го контроля. По периметру тянулись сплошные панорамные окна, за которыми хлестал дождь, размазывая огни города в дрожащие светящиеся полосы.

А в центре высился монолитный стол из цельного куска черного габбро-диабазы — две тонны полированного мертвого камня.

Ева сбросила мокрое пальто с оторванным рукавом на кожаное кресло у входа. Она осталась в шелковой блузке молочного цвета и узкой синей юбке. Влажный шелк на плечах

и груди промок, очерчивая кружево белья, но Еве было плевать. Она подошла к гранитному столу и уперлась в него ладонями.

Камень обжег холодом.

Марк положил папку перед Евой, снял вторую перчатку и бросил обе на полированную поверхность, обошел стол и опустился в высокое кресло из черной кожи, сцепив длинные сильные пальцы в замок:

— Я слушаю тебя, Ева. У тебя было ровно две минуты на дерзость в холле. Лимит исчерпан. Говори.

Ева выдернула из собранной Рудиным папки верхний лист — счет клиники «Мед-Элит» с круглой красной печатью «К ОПЛАТЕ» — и с силой хлестнула им по граниту перед лицом Северского.

— Твои юристы сегодня заблокировали расчетный счет фонда «Возрождение». Это был целевой благотворительный депозит моей матери! С него оплачивалось содержание отца в реанимации!

Марк даже не опустил глаз на сумму счета.

— Холдинг «Орлов-Инвест» признан банкротом по решению Арбитражного суда три дня назад. — Марк развернул счет краем к ней и вернул на ее половину стола. — Все активы семьи Орловых перешли под ликвидационное управление «Север-Капитала». Каждая копейка на этих счетах теперь принадлежит мне.

— Ты забрал все! — крикнула Ева, впиваясь ногтями

в ладони. — Ты отобрал комбинат, логистический терминал, стройки, личные счета отца, загородный дом! Тебе мало триллионных активов?! Тебе нужна смерть парализованного старика?!

Она наклонилась через стол, прожигая его глазами:

— Через восемьдесят минут реаниматологи отключат аппарат ИВЛ. Мой отец в коме после стволового кровоизлияния. Без вентиляции его мозг умрет через шесть минут. Разблокируй тридцать миллионов на депозит клиники! Я подпишу любой отказ от претензий, я откажусь от наследства! Оставь жизнь человеку, который уже не может тебе ответить!

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Слышно было только, как капли дождя дробно стучат в бронированное стекло на высоте двухсот метров.

Марк медленно поднялся из кресла.

Его фигура мгновенно заслонила свет ламп. Он неторопливо обошел гранитный стол, ступая бесшумно, как леопард на охоте. Расстояние между ними таяло: три метра... два метра... шаг. Он остановился так близко, что Ева почувствовала жар, исходящий от его тела сквозь тонкую ткань сорочки.

— Двадцать три года назад, — заговорил Марк, и в его низком баритоне прорезалась глухая сталь, — твой благородный отец Анатолий Орлов провернул заказное банкротство треста «Север-Транс», принадлежавшего моему отцу, Дмитрию Северскому. Он натравил купленных налоговиков, а когда мой отец отказался отдавать контрольный пакет —

состряпал фальшивое уголовное дело о хищении.

Ева отшатнулась, но спина наткнулась на край массивного стола.

— Мой отец не выдержал травли, — продолжал Марк, нависая над ней. — Его сердце разорвалось во второй камере следственного изолятора «Матросская Тишина». Он умер на грязном матрасе, захлебываясь собственной кровью, пока дежурный фельдшер пил чай в коридоре. Ему было сорок два года. А твой отец в тот же вечер праздновал победу в «Метрополе», разливая шампанское по тысяче долларов за бутылку.

— Это было двадцать три года назад! — отчаянно выдохнула Ева. — Я тогда еще в школу не ходила! Я не отвечаю за то, что делали наши отцы тогда! Это был дикий бизнес!..

— Ты носишь его фамилию, — оборвал Марк, сделав еще полшага вперед. Теперь их разделяли сантиметры. Его горячее дыхание с привкусом горького табака опаляло ее лоб. — Ты училась в частных пансионатах Швейцарии на деньги, украденные у моей семьи. И ты пришла сюда просить милости?

— Я не прошу милости! Я требую человеческого отношения! Если ты мужчина, а не трусливый шакал — воюй с равными! Не добивай лежачего!

Марк усмехнулся — коротко, сухо, страшно.

— Человеческое отношение? Ты ошиблась адресом, девочка. Я финансист. Я признаю только баланс активов и пас-

сивов. И сейчас твой баланс равен нулю.

Он медленно поднял правую руку.

Его ладонь — широкая, обжигающе горячая — легла на воротник ее шелковой рубашки. Кончики пальцев коснулись обнаженной кожи ключицы, и по телу Евы пробежала крупная дрожь.

Марк не стал рвать ткань. Его пальцы плавно скользнули вверх по тонкой шее, очерчивая линию челюсти, и замерли.

Широкая мужская ладонь легла на ее горло сбоку. А подушечка большого пальца с тяжелым, властным нажимом опустилась точно на левую сонную артерию.

Удар. Еще удар. Сердце Евы колотилось под его пальцем с бешеной частотой — сто сорок ударов в минуту. Марк чувствовал каждый толчок ее крови. Его глаза потемнели, превратившись в бездну расплавленного свинца.

— Ты красива, Ева, — его голос стал тише, упав до хриплого шепота у самого ее уха. — Злая, породистая сука с глазами волчонка. Твой отец воспитал хорошую породу. И деньги мне от тебя не нужны. Мне нужна ты.

Ева замерла под тяжестью его руки на своем горле:

— Что?..

— Ты станешь моим личным ассистентом с круглосуточным режимом доступа, — каждое слово Марка падало, как раскаленный свинец. — Ты переедешь в мой пентхаус. Будешь спать под моей крышей. Носить то, что я выберу для твоего гардероба. Ты будешь сидеть за столом в этом каби-

нете и разбирать архивы своего отца, ставя штампы о ликвидации его холдинга. Ты будешь выходить со мной на светские приемы, стоять рядом, держать меня за руку и улыбаться моим партнерам — как мой персональный, живой трофей. Дочь поверженного Анатолия Орлова на поводке у победителя.

— Никогда, — прохрипела Ева, и ее пальцы впились в его мускулистое запястье. — Я лучше сдохну на помойке, чем стану твоей шлюхой!

Пальцы на ее шее сжались сильнее. Ева осеклась и дернула подбородком, пытаясь освободить горло.

— Ты плохо слушаешь, волчонок. Я не предлагал тебе постель. Для плотских утех у меня есть десятки женщин, которые стоят в очереди за право провести со мной ночь. Ты мне нужна как символ моей абсолютной победы. Твое подчинение должно быть полным, добровольным и безупречным.

Свободной рукой Марк достал из кармана брюк смартфон, нажал вызов и включил громкую связь.

Раздался один длинный гудок.

— Слушаю, Марк Дмитриевич, — мгновенно отозвался динамик голосом доктора Воронова.

Ева дернулась в его руках, из ее груди вырвался сдавленный стон.

Марк держал ее шею, глядя в ее расширенные от ужаса глаза:

— Доктор Воронов. Распоряжение по пациенту Орлову

готово?

— Бригада стоит у монитора. Ждем контрольного времени. Осталось семьдесят пять минут.

— Одно мое слово, Ева, — прошептал Марк, не отводя глаз от ее побелевших губ. — Одно слово — и он повернет ключ. Твой отец захлебнется собственной слюной через две-сти секунд. Либо ты подписываешь контракт прямо сейчас. На моих условиях. Без права расторжения.

Слезы обожгли веки, но Ева заставила себя не заплакать. В горле стоял горький ком желчи и крови от прикушенной губы. Вся ее прежняя жизнь рушилась прямо сейчас под тяжелой ладонью человека, пахнущего морозным бергамотом и местью.

Но там, на больничной койке, был отец. Единственный человек, который любил ее без условий.

— Я согласна, — выдохнула она одними губами. Голос сорвался на сип.

Марк усмехнулся:

— Громче, Ева. Доктор Воронов плохо слышит.

— Я согласна! — крикнула она в пустой потолок кабинета, и горячая слеза сорвалась с ресниц. — Я подпишу всё! Отзови приказ!

Марк поднес телефон к губам:

— Воронов. Депозит в тридцать миллионов списан с моего личного счета. Переведите Орлова в отдельный блок интенсивной терапии. Подключите немецкую аппаратуру, при-

гласите профессора Шнайдера из Берлина. Если со старика упадет хоть один волос — сядешь за врачебную халатность. Ясно?

— Так точно, Марк Дмитриевич! Все сделаем в лучшем виде! — подобострастно отозвался врач.

Марк сбросил звонок и убрал телефон.

Его ладонь медленно, с тягучей неспешностью соскользнула с ее шеи. На бледной коже остались отчетливые красные следы его пальцев.

Он шагнул к столу, вытащил из ящика три листа гербовой бумаги и массивную перьевую ручку с золотым пером.

— Трудовой договор персонального референта председателя правления. Пункт четыре: круглосуточная доступность и проживание по месту нахождения работодателя. Пункт восемь: штраф в сто миллионов рублей за попытку несанкционированного увольнения. Подписывай, трофей.

Пальцы Евы дрожали так сильно, что перо со скрипом царапнуло бумагу, оставляя кривую чернильную полосу. Но она не остановилась. Закусив губу до крови, она вывела размашистую подпись на всех трех страницах.

Швырнула ручку на стол. Она глухо стукнула о гранит.

— Будь ты проклят, Северский.

Марк забрал бумаги, убрал их в сейф и бросил на нее насмешливый взгляд:

— Проклятия нищих не котируются на бирже, Ева. Забери свое тряпье. Машина ждет на паркинге.

Глава 3

Скоростной служебный лифт с глухими стальными стенами опустил их на минус третий уровень башни — в закрытую зону приватного паркинга, доступ куда был закрыт даже для большинства топ-менеджеров компании.

Здесь было прохладно — около четырнадцати градусов тепла. Наливной серый полимерный пол блестел под ровным светом диодных полос, отражая мощные железобетон-

ные опоры. Мимо пустых размеченных мест они шли к единственной машине под охраной двух бойцов СБ с короткими автоматами — там стоял угольно-черный бронированный внедорожник Rolls-Royce Cullinan. Его шестилитровый двигатель работал на холостых оборотах, издавая низкий, утробный рокот, от которого вибрировал воздух в груди.

Ева шла позади Марка, кутаясь в остатки своего разорванного пальто. С каждым шагом по бетону шок от подписания кабального контракта сменялся лихорадочной паникой.

Отец жив. Его не отключат. Но что дальше?

Ее мысли лихорадочно метались, цепляясь за обрывки прежней реальности. Нужно попасть домой. В Серебряный Бор. Особняк отца стоял за высоким чугунным забором среди сосен — там были ее вещи, ее зимняя одежда, ноутбук с дипломным проектом, а главное — старинная резная шкапулка матери, где хранились письма, детские снимки и жемчужная брошь, одна из самых дорогих памятных вещей. Если забрать это сейчас, у нее останется хоть какая-то опора, хоть частица себя.

Она незаметно опустила руку в карман юбки, нащупала свой старый iPhone 13 с паутиной трещин на защитном стекле.

Пальцы быстро разблокировали экран. Ева открыла приложение такси, одновременно пытаясь набрать номер Марфы Семеновны — пожилой экономки, жившей при доме Орловых больше пятнадцати лет.

Экран мигнул: «Поиск автомобиля... 3 минуты».

Она сделала полшага в сторону, намереваясь отстать у лифтового холла и юркнуть за бетонную колонну.

Марк даже не обернулся.

Его реакция была нечеловеческой: не сбавляя шага, он выбросил левую руку назад, и его железные пальцы с убийственной точностью сомкнулись на тонком запястье Евы. Кости жалобно хрустнули под чудовищным давлением.

— Ай! — вскрикнула она, дернувшись всем телом.

Марк резко развернул ее к себе. Он дождался, пока она перестанет тянуть руку, и только тогда заглянул ей в лицо. Глаза цвета стылой стали сузились, превратившись в два лезвия.

— Куда ты собралась, Орлова?

— Отпусти! — Ева попыталась вырвать руку, но с тем же успехом могла бы пытаться сдвинуть руками несущую опору небоскреба. — Мне нужно заехать домой! В Серебряный Бор! Забрать свои вещи, документы, сменную одежду! Я не поеду в твои чертовы апартаменты в одной мокрой рубашке!

Марк скользнул взглядом по экрану ее телефона, где светилась карта с иконкой желтого седана.

— У тебя больше нет дома, Ева.

Ее сердце оборвалось и ухнуло в ледяную пустоту:

— Что?..

— Сорок пять минут назад судебные приставы в сопровождении сотрудников следственного комитета и службы

безопасности нашего банка завершили опись имущества в поселке Серебряный Бор, — произнес Марк бесстрастным, лекторским тоном. — Ворота опечатаны. На территории выставлен круглосуточный вооруженный пост Росгвардии. Вход в усадьбу закрыт до окончания конкурсного производства. Все имущество, находящееся внутри — от картин Левитана на стенах до чайных ложек на кухне — включено в конкурсную массу для погашения миллиардного долга перед кредиторами.

— Там вещи моей мамы! — закричала Ева, забыв о боли в заломленном запястье. — Там ее рукописи, ее фотографии! Они не стоят денег, они ничего не значат для вашего банка! Отпусти меня, я просто заберу коробку из своей комнаты!..

— Ты ничего оттуда не заберешь, — отрезал Марк. — Рудин.

Начальник службы безопасности вырос за его плечом, словно призрак из бетона.

Марк свободной рукой легко, двумя пальцами выкрутил телефон из онемевших пальцев Евы и бросил его на раскрытую широкую ладонь Рудина.

— Сим-карту извлечь, разломать и сжечь. Аппарат вернуть к заводским настройкам и сдать на утилизацию. С этой секунды никаких контактов с прежним окружением: ни подружек, ни сокурсников по МГУ, ни бывших менеджеров ее отца. Любые входящие перехватывать и блокировать. Выдать ей защищенный корпоративный терминал с тремя

кнопками: мой прямой номер, твой и оперативный дежурный охраны.

— Принято, Марк Дмитриевич, — коротко отозвался Рудин.

Вид того, как ее телефон — последняя ниточка, связывавшая ее с миром живых людей, со свободой, с памятью — исчезает в кармане безопасника, окончательно сорвал тормоза.

— Ублюдок! — взвизгнула Ева.

Марк разжал пальцы на ее запястье. Она тут же рванулась вперед и со всей силы обеими руками ударила его в грудь, целясь кулаками в горло, в челюсть, куда угодно.

— Отдай мой телефон! Ты не имеешь права! Это моя жизнь, слышишь?! Моя жизнь!

Марк даже не пошатнулся. Ее удары о твердые, как камень, грудные мышцы под жилетом производили столько же эффекта, сколько удары осенней листвы о броню танка.

Его терпение лопнуло.

В долю секунды его тяжелые ладони скользнули под ее мышки, обхватив ребра. Марк легко, одним текучим и страшным по своей мощи движением оторвал Еву от земли.

Девушка взвизгнула, заболтав ногами в воздухе. Она попыталась ударить его каблуком по голени, но Марк прижал ее тело к себе с такой сокрушительной силой, что из ее легких выбило весь воздух. Ее бедра оказались намертво зажаты его железными руками, грудь вжалась в его рубашку, а лицо уткнулось в твердый изгиб его шеи.

От него пахло жаром, бергамотом и яростью зверя, которому надоело терпеть капризы загнанной дичи.

Водитель в фуражке выскочил из внедорожника и распахнул тяжелую заднюю дверь Rolls-Royce.

Марк шагнул к проему и буквально внес извивающееся, бьющееся тело Евы внутрь салона. Он опустил ее на мягкий, пахнущий дорогой выделкой диван из кожи цвета топленого молока, а сам навис сверху, перекрывая широкий дверной проем своими плечами.

Ева судорожно дернулась в противоположную сторону, намереваясь выскочить через другую дверь, но щелчок центрального замка раздался раньше, чем она успела коснуться ручки.

Марк сел рядом.

Тяжелая, армированная сталью дверь внедорожника хлопнулась за ним с глухим, плотным звуком — звуком закрывающегося шлюза на подводной лодке.

В салоне мгновенно воцарилась абсолютная, вакуумная тишина. Двойные триплексные стекла толщиной в четыре сантиметра полностью отсекали шум внешнего мира. Ева слышала собственный судорожный вдох и испугалась его громкости. Рядом мерно поднималась грудь Марка; этот чужой размеренный ритм делал ее дрожь еще заметнее.

Внедорожник мягко, почти без толчка тронулся с места, выплывая из паркинга на закрытый спиральный пандус.

Ева забилась в самый угол просторного кожаного дивана,

подтянув колени к груди и тяжело дыша. Ее трясло крупной, неконтролируемой дрожью: от холода, мокрой ткани на теле и адреналинового отката. Рукав блузки сполз с плеча, волосы спутались, на щеках горели лихорадочные багровые пятна.

Марк сидел рядом, закинув руку на спинку дивана. Он поправил манжету, зацепившуюся за часы. Ева следила за этим будничным движением: он уже устраивался удобнее, пока она пыталась собрать себя после паркинга.

Он протянул руку к центральной консоли между сиденьями, нажал сенсорную панель. Из подлокотника бесшумно выехал блок мини-бара с подсветкой янтарного цвета. Марк достал тяжелый граненый бокал из хрусталя и матовый графин с ледяной водой. Налил до краев. В прозрачной жидкости медленно кружились пузырьки газа.

Он повернулся к ней и протянул бокал:

— Пей.

Ева сжала губы, демонстративно отворачиваясь к тонированному окну, за которым мелькали серые бетонные стены туннеля:

— Подавись своей водой.

— Ева. — Марк подвинул бокал ближе, преградив ей вид на окно. — Я не собираюсь нянчиться с твоими истериками. У тебя обезвоживание и нервный срыв. Если ты упадешь в обморок, мне придется вызывать врачей, а у меня нет времени на твои припадки. Пей, или я залью воду тебе в глотку силой.

Она повернула голову. Он держал полный бокал у самого ее лица. При следующем толчке вода коснулась края, и Ева поспешно взялась за хрусталь: проверять угрозу ей хватило и сегодняшнего кабинета.

Ненавидя себя за слабость, Ева подтянула бокал к себе.

Их пальцы соприкоснулись.

Разряд тока — обжигающий, болезненный, прошивающий нервы от кончиков ногтей до самого сердца — заставил ее вздрогнуть. Ее пальцы были ледяными, как у трупа, а его кожа — сухой, твердой и обжигающе горячей. Контраст был настолько резким, что Ева едва не выронила хрусталь.

Она перехватила бокал обеими руками и жадно, давясь ледяными глотками, выпила всю воду до дна. Холод прокатился по пищеводу, остужая горящую гортань.

Она опустила пустой бокал на колени, судорожно сжав его пальцами:

— Что ты со мной сделаешь?

Марк не торопился с ответом. Он смотрел на ее профиль, на длинные влажные ресницы, на точеную линию шеи, где все еще алели следы его хватки.

— То, что должен был сделать мой отец двадцать три года назад, — негромко произнес он. — Я заберу у твоей семьи всё. Включая тебя. Ты будешь жить рядом со мной, дышать по моей команде и помнить каждую секунду: твоя жизнь и жизнь твоего отца принадлежат мне. Ты хотела спасти его? Ты спасла. Теперь плати по счетам.

— Я выдержу, — прошептала Ева, глядя ему прямо в глаза с ледяной, нечеловеческой яростью. — Я выдержу каждый твой удар, Северский. И дождусь дня, когда твоя проклятая башня рухнет тебе на голову.

Марк медленно улыбнулся одними уголками губ:

— Я буду разочарован, если ты перестанешь пытаться меня уничтожить, волчонок. Посмотрим, на сколько тебя хватит.

Глава 4

Машина качнулась на повороте, въезжая в закрытый охраняемый шлюз жилого въезда той же башни, ведущий к приватным лифтам пентхауса.

Скоростной панорамный лифт, доступ в который открывался исключительно по отпечатку пальца Марка, взлетел на семидесятый девятый этаж за какие-то сорок секунд.

Створки разъехались без звука — прямо в огромное, залитое полумраком пространство двухуровневого пентхауса.

Ева переступила порог и замерла, ошеломленная масштабом чужого величия.

Ева машинально поискала взглядом привычную прихожую, место, где можно снять сапоги. Перед ней простирался монументальный дворец из черного мрамора Nero Marquina, шлифованного бетона и стекла, парящий над ночной Москвой на высоте почти трехсот метров. Шестиметровые потолки терялись во тьме, из которой вниз свисали тонкие золотистые трубки точечных светильников. Пол из подогреваемого черного камня был настолько гладким, что в нем, словно в темной озерной воде, отражались огни города.

Панорамные окна опоясывали весь периметр гигантской гостиной. Казалось, что стен нет вовсе: пентхаус парил посреди черного космоса, за стеклом медленно кружились белые хлопья мокрого снега, а далеко внизу, под ногами, рас-

стился гигантский светящийся муравейник столицы.

Ее разорванное пальто осталось в машине — Рудин молча забрал его на парковке. Ева стояла посреди этого мертвого мраморного великолепия в одной влажной блузке и узкой юбке, обхватив плечи руками. От перепада высоты и пустоты вокруг у нее закружилась голова, к горлу подкатила дурнота. Марк вошел следом.

Он бросил связку ключей на консоль из черного гранита у входа. Металл звякнул о камень с сухим, резким звуком.

Не обращая на нее внимания, он подошел к огромному модульному дивану из белой замши, расстегнул пуговицы

графитового пиджака и снял его одним легким движением, бросив на спинку мебели. Следом полетел жилет.

Марк потянул за узел шелкового галстука, сдернул его через голову, расстегнул три верхние пуговицы белоснежной сорочки и небрежно закатал рукава до локтей.

Ева против своей воли не могла отвести взгляда.

Без брони идеального костюма он выглядел еще опаснее. Широкие, литые плечи, мощные предплечья с вздувшимися синими венами и темными волосками, рельефные ключицы и сильная шея. В каждом его движении сквозила первобытная, ленивая грация сытого хищника, уверенного в абсолютной безопасности своего логова.

Марк подошел к барной стойке из цельного сланца, плеснул на два пальца в тяжелый низкий рокс торфяного виски Macallan. Сделал глоток, прикрыв глаза, а затем повернулся к ней, оперевшись поясницей о стойку.

— Добро пожаловать домой, Орлова.

Его голос в пустом огромном зале звучал гулко и пугающе интимно.

Ева отступила на шаг назад, стараясь держаться как можно дальше от барной стойки:

— Где я буду спать? Надеюсь, в этом склепе найдется комната с нормальной дверью и замком?

Марк медленно опустил бокал на камень. Звук удара хрустала о сланец отозвался в висках девушки тяжелым стуком.

В его стальных глазах вспыхнула холодная, насмешливая

искорка:

— С замком?

Он сделал шаг в ее сторону.

Ева инстинктивно подалась назад.

— В моем доме нет замков, которые закрываются изнутри, Ева. Все двери в этих апартаментах управляются единым сервером безопасности. Они сканируют рисунок сетчатки моих глаз и отпечатки моих пальцев. Мой доступ действует в каждой комнате. В том числе в твоей. В любую секунду дня и ночи.

Он сделал еще шаг. Тяжелый, неотвратимый.

Ева отступала, не сводя с него расширенных зрачков, пока ее лопатки не уперлись во что-то ледяное и твердое.

Панорамное окно.

Она вжалась спиной в холодное триплексное стекло. Прямо за ее затылком зияла трехсотметровая пропасть, расцвеченная огнями ночных магистралей. Бежать было некуда.

Марк подошел вплотную.

Он остановился в нескольких сантиметрах от нее. Еве пришлось поднять лицо, чтобы видеть его глаза. Он поднял руки и уперся широкими ладонями в стекло по обе стороны от ее головы, намертво запирая Еву в жесткий треугольник своих мощных рук и широких плеч.

Ева судорожно втянула воздух. Ее обдало жаром его кожи, запахом терпкого торфяного виски, перечной мяты и того самого морозного бергамота, который теперь навсегда въел-

ся в ее память как запах личной катастрофы.

Марк наклонился ниже. Его лицо замерло в десяти сантиметрах от ее лица. В полумраке его резкие хищные скулы казались вырезанными из железа, а зрачки были огромными, почти черными.

— Твое крыло — восточное. — Он говорил у самых ее губ. Ева повернула голову к коридору, но его рука по-прежнему перекрывала ей путь. — Спальня, гардеробная, отдельная ванная комната. Там есть душ, полотенца и все, что необходимо для жизни. Ужин горничная доставит через двадцать минут.

— Я не голодна, — процедила Ева сквозь зубы, пытаясь удержать подбородок и не отвести глаз.

Марк не обратил внимания на ее реплику.

Его правая рука медленно оторвалась от стекла.

Горячие подушечки пальцев скользнули по воротнику ее шелковой блузки, точно повторяя движение, сделанное в кабинете. Пальцы задели нежную кожу под челюстью, скользнули к мочке уха, заставив волосы на теле Евы встать дыбом от первобытного ужаса и непонятного, электрического спазма внизу живота.

— Запомни правила, волчонок, — его губы почти касались ее виска, обжигая горячим дыханием. — Правило первое: ты не покидаешь пределы этих апартаментов без моего прямого разрешения или сопровождения Рудина. Правило второе: ты никогда не подходишь к лифтам после отбоя. И

правило третье...

Его пальцы чуть сжались на ее шее, вновь нащупывая бешеный ритм пульса:

— Ровно в девять ноль-ноль утра ты должна быть вымыта, одета в то, что тебе принесут, и сидеть за моим рабочим столом на шестидесятом этаже. Опоздаешь на шестьдесят секунд — главврач Воронов получит уведомление о блокировке транша на реанимацию. И твой отец отправится на свалку. Ты меня поняла, Ева?

Ее зубы скрипнули с такой силой, что челюсть свело судорогой. Ногти вонзились в ладони, пробивая кожу до крови.

— Я тебя поняла, — выдохнула она прямо в его губы, вкладывая в эти слова весь яд, на который была способна ее душа. — Я все поняла, господин Северский.

Марк смотрел на ее губы секунду... две... словно решая, сорвать ли с них поцелуй прямо сейчас, впечатав ее в стекло. Его ноздри дрогнули, в глазах на мгновение вспыхнул опасный, хищный голод самца.

Но он сдержался. Железная дисциплина контроля взяла верх.

Марк медленно опустил руку и отступил на полшага назад, разрывая удушающий круг:

— Ступай к себе. Дверь направо в конце коридора.

Ева не стала ждать повторения приказа.

Она сорвалась с места почти бегом, стуча каблуками по зеркальному мрамору. Пронеслась по широкому темному

коридору, толкнула тяжелую дверь из темного массива в конце галереи и влетела внутрь комнаты.

Захлопнула дверь за собой всем телом.

Ее ладони судорожно зашарили по гладкой поверхности полотна, ища шпингалет, механическую защелку, хоть какую-то цепочку.

Ничего.

Полотно было идеально гладким. На уровне глаз тускло мерцал маленький сенсорный глазок биометрического замка, горящий ровным алым светом. Заперто снаружи. Без права выбора.

Комната была огромной. Кровать размера king-size под серым шелковым покрывалом, гардеробная за матовым стеклом, панорамная стена с видом на спящие огни города и распахнутая дверь в ванную из белого каррарского мрамора, где горела мягкая золотистая подсветка.

Золотая клетка на высоте птичьего полета.

Силы кончились внезапно — словно кто-то перерезал невидимый провод, державший ее натянутой как струна все эти страшные часы.

Колени подкосились.

Ева прижалась затылком к холодному дереву двери и медленно, судорожно хватая ртом воздух, сползла по полотну вниз, на мягкий ковер.

Она села прямо на пол, подтянула колени к груди и обхватила их дрожащими, исцарапанными руками. Спрятала лицо

в складках мокрой шелковой блузки.

Ее плечи сотрясла крупная, беззвучная дрожь. Горло сдавило спазмом, легкие разрывало от боли, она зажала рот рукавом, глотая готовый вырваться всхлип. За дверью могли услышать. Даже здесь, в одиночестве, она пыталась отвоевать у него хотя бы собственное отчаяние.

За дверью, в тишине коридора, слышались тяжелые, неспешные шаги.

Марк прошел мимо ее комнаты в сторону своей спальни. Шаги удалились и стихли.

Ева медленно подняла голову. Ее серо-зеленые глаза в полумраке комнаты горели чистым, неугасимым огнем ярости.

Она провела тыльной стороной ладони по своей шее — туда, где кожа все еще хранила обжигающий след его пальцев, помнящих каждый удар ее сонной артерии.

— Я не сломаюсь, — прошептала она в темноту, и ее голос прозвучал как клятва на крови. — Слышишь меня, Северский? Я не сломаюсь. Ты подавишься своей победой. Ты подавишься мной.

За окном, кружась над черной бездной ночного города, беззвучно падал первый ноябрьский снег.

Глава 5

Серый рассвет медленно вползал в панорамные окна, разрезая густой полумрак огромной спальни. С семидесятого девятого этажа проспекты казались неподвижными полосами света. Ева вслушивалась, пытаясь поймать знакомый шум утренней пробки, но различала только монотонный шелест климатической системы, нагнетавшей в комнату стерильный воздух с легким ароматом сухого кедра и озона.

Ева открыла глаза и несколько минут лежала совершенно неподвижно, уставившись в матовый потолок.

Ее тело ломило так, будто вчера по ней проехался каток. Каждая мышца ныла после пережитого кошмара: опечатанный судебными приставами загородный дом, звонок из клиники «Мед-Элит», отведенные врачом сто минут на спасение отца... И затем — зеркальный холл цитадели «Север-Капитал», хватка охраны, оторванный рукав ее пальто и тяжелые, неспешные шаги человека, растоптавшего их семью.

Марк Северский.

Мужчина со взглядом цвета штормовой стали, который одним росчерком пера спас ее отца от отключения аппаратов жизнеобеспечения — и тем же росчерком превратил ее саму в бесправную пленницу.

Ева повернула голову. Она лежала на широкой кровати среди темных простыней из тяжелого египетского хлопка. В

этом пространстве все говорило о колоссальной, подавляющей власти: черный гранит, матовая сталь, стекло и совершенное отсутствие случайных вещей. На прикроватной консоли тускло светился индикатор служебного терминала с зашифрованным каналом связи — единственный аппарат, который ей оставили после того, как ее старый телефон вчера забрал Рудин на подземном паркинге.

В тишине раздался мягкий электронный зуммер. Биометрический замок на тяжелой двери тихо щелкнул. Створка бесшумно скользнула в сторону, и в спальню вошли двое.

Впереди шествовала высокая, подтянутая женщина лет сорока пяти в строгом графитовом жакете и юбке до колен. Ее гладкие платиновые волосы были стянуты в тугой узел на затылке, а на тонком носу сидели узкие очки в титановой оправе. Следом за ней молоденькая помощница в белых нитяных перчатках катила два высоких хромированных рейла, плотно увешанных чехлами с одеждой.

— Доброе утро, Ева Анатольевна. — Вошедшая сверилась с часами, а помощница уже подкатала рейл к кровати. — Меня зовут Римма. Я руковожу протокольной службой гардероба господина Северского. Марк Дмитриевич распорядился составить ваш рабочий гардероб до девяти ноль-ноль. Нам необходимо примерить дневные комплекты и снять контрольные мерки.

Римма сделала шаг вперед, раскрывая черный бархатный планшет. На нем ровными стопками лежало тончайшее шелковое белье пудровых и дымчатых оттенков, плотные капроновые чулки, а на нижнем ярусе стойки поблескивали коробки с кожаными лодочками на острых каблуках.

Ева резко села на кровати, натягивая одеяло до подбородка. В ее серо-зеленых глазах вспыхнул колючий, волчий огонек.

— Пошли вон, — отчетливо произнесла она.

Римма повернулась к рейлу, словно слышала согласие. Молния чехла застрекотала в тишине; распорядительница достала молочно-белую шелковую блузку и развернула ее пе-

ред Евой:

— Господин Северский утвердил регламент внешнего вида личного ассистента. В офисе председателя правления исключены дешевый трикотаж и уличная одежда. Снимите одеяло, пожалуйста. Время идет.

Ева отбросила одеяло, поднялась на ноги и шагнула на ковер. Она так и уснула во вчерашней одежде — узкой синей юбке и измятой шелковой блузке. Высохший рукав стянул кожу на плече.

— Передайте вашему господину, что я наемный работник по принуждению, а не кукла из эскорта, — Ева подошла вплотную к распорядительнице, глядя ей прямо в глаза снизу вверх. — Мой долг — спасение отца. Я буду работать с документами, но я не надену этот маскарад. Забирайте свои вешалки и убирайтесь.

— Ева Анатольевна, вы совершаете ошибку, — сухо ответила Римма и протянула вешалку с блузкой. — Раздевайтесь.

Вместо ответа Ева резко взмахнула рукой, выбивая вешалку из пальцев женщины. Тонкий шелк соскользнул на темный ворс ковра, распластавшись молочным пятном. Помощница испуганно ойкнула, вжимая голову в плечи. Римма на секунду поджала губы, затем подняла левую руку и нажала кнопку селектора на широком браслете:

— Марк Дмитриевич, препятствие в гостевом крыле.

В коридоре слышались размеренные, тяжелые шаги. Этот звук заставил воздух в комнате стать густым и холод-

ным. Ева инстинктивно выпрямила спину, сжимая кулаки так, что короткие ногти впились в ладони.

В дверном проеме вырос Марк Северский.

Он только что вышел из утреннего душа: темные короткие волосы были еще влажными и зачесанными назад, обнажая высокий лоб и резкие, хищные скулы. Он был в безупречном темно-синем костюме-тройке из тонкой английской шерсти. Белоснежная сорочка сидела как вторая кожа, подчеркивая ширину мощных плеч, а шелковый темно-серый галстук стягивал воротник под самым кадыком. От него пахло морозным бергамотом, чистым сандаловым мылом и легкой горечью дорогого табака.

Серые, штормовые глаза скользнули по Римме, затем опустились к валяющейся на полу блузке и остановились на Еве. Взгляд был тяжелым, свинцовым, просвечивающим насквозь.

— Выйдите, — негромко бросил он.

Римма и помощница выскользнули из спальни за долю секунды, затворив за собой тяжелую створку. В комнате повисла звенящая тишина.

Марк медленно подошел к упавшей блузке, нагнулся, поднял ее с ковра вместе с вешалкой и отряхнул коротким, легким движением кисти. Затем его взгляд вернулся к лицу Евы.

— Ты тратишь мое утро, Орлова, — произнес он низким, вибрирующим баритоном, от которого у нее внутри все сжа-

лось в тугой узел. — Через двадцать минут у меня планерка со службой безопасности. А я вынужден заходить сюда и смотреть на твои детские истерики.

— Это не истерика, Северский! — выпалила Ева, вздергивая подбородок и глядя ему прямо в переносицу. — Ты забрал компанию отца, заблокировал наши счета, вынудил меня подписать кабальный контракт. Но ты не купил право наряжать меня в шмотки для любовниц! Я буду ходить в своем!

Марк слушал ее молча, без единого признака раздражения. На его жестких губах проступила лишь едва заметная, убийственно снисходительная усмешка.

Он сделал шаг вперед.

Ева инстинктивно подалась назад, но позади было только огромное ростовое зеркало в бронзовой оправе. Ее лопатки коснулись прохладной стеклянной глади. Марк сократил дистанцию до нуля, нависая над ней всей своей двухметровой мощью. Он заслонил собой свет, заполнив все ее поле зрения. От его тела исходил сухой, раскаленный жар, выбивавший воздух из легких.

— Ты носишь то, что положено носить сотруднице моего секретариата. — Марк поднял блузку между ними, давая Еве рассмотреть застегнутый ворот. Она отвела ткань от лица. — Твоя гордость закончилась в тот момент, когда реанимационная бригада подключила твоего отца к аппарату искусственной вентиляции легких за мой счет. Каждая минута его

дыхания стоит денег. И если ты думаешь, что будешь позорить меня в моей штаб-квартире вчерашней мятой одеждой — ты глубоко заблуждаешься.

Марк повесил новую блузку на край зеркала. Прежде чем Ева успела оттолкнуть его, его пальцы легли на воротник ее вчерашней блузки.

Одним точным, сильным движением он расстегнул верхние пуговицы. Ткань разошлась в стороны. Ева ахнула, попыталась вскинуть руки, чтобы прикрыться, но Марк перехватил ее запястья одной ладонью, легко заведя их ей за спину и прижав к зеркалу. Он отпустил запястья лишь затем, чтобы стянуть старую блузку с ее рук и бросить на пол.

Ева замерла, прижатая спиной к стеклу, в одном простом белом бюстгальтере. Ее грудь тяжело и часто вздымалась, щеки пылали багровым румянцем ярости и стыда.

— Не смей... — выдохнула она сквозь стиснутые зубы.

Марк не ответил. Его взгляд скользнул по ее обнаженным ключицам, по нежной белой коже шеи и ложбинке между грудей. В серых глазах вспыхнул тяжелый, темный огонь, от которого у Евы перехватило дыхание. Он снял новую блузку с вешалки, бросил вешалку на кровать и набросил шелк на ее плечи.

Прохладная, струящаяся ткань коснулась горячей кожи, вызвав мгновенную дрожь.

Удерживая ее за плечи, Марк отвел ее от зеркала и шагнул ей за спину. В зеркале перед ними возникло их отраже-

ние: огромный, темный, несокрушимый хищник в безупречной шерсти и хрупкая девушка с рассыпавшимися по плечам медно-каштановыми волнами, пойманная в капкан его рук.

Его пальцы легли на нижний край шелка и начали застегивать мелкие перламутровые пуговицы снизу вверх. Движения были неторопливыми, методичными и пугающе уверенными. При каждом движении его горячие, шершавые костяшки задевали чувствительную кожу ее живота, поднимаясь к ребрам и груди. От этого электрического трения по телу Евы прокатилась сокрушительная волна жара. Ее дыхание сбилось, соски под тонкой тканью предательски напряглись и затвердели, отчетливо проступая сквозь шелк.

Марк заметил это мгновенно. В зеркале его губы тронула хищная, собственническая полуулыбка:

— Твое тело умнее тебя, Ева. Оно прекрасно понимает, кто здесь хозяин.

— Заткнись, — прошептала она, задыхаясь от унижения и той дикой, неуправляемой физической реакции, которую вызывали его прикосновения.

Марк дошел до ворота. Его пальцы соединили края воротника-стойки под самым ее подбородком и застегнули последнюю крошечную пуговицу, наглухо закрывая шею.

А затем его широкая ладонь медленно легла на ее горло сбоку.

Подушечка его большого пальца легла точно на пульсирующую сонную артерию. Ева почувствовала, как под его ко-

жей бешено, как пойманная птица, колотится ее собственная кровь. Марк слегка усилил нажим — не причиняя боли, но давая почувствовать абсолютную, сокрушительную власть над каждым ее вздохом. Он наклонился вперед, и его губы почти коснулись ее виска, обжигая дыханием:

— Ты восхитительна, когда ненавидишь меня, волчонок. Но воротник будет застегнут до самого верха. До девяти часов осталось ровно двенадцать минут. Черная юбка висит на рейле. Туфли — в коробке. Если в девять ноль-ноль ты не войдешь в мой кабинет — Рудин остановит перевод транша в клинику. Выбирай.

Глава 6

Он убрал руку, оставив на ее сонной артерии пылающий след, развернулся на каблуках и вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой.

Ева стояла у зеркала, опустил голову и судорожно втягивая воздух. Ее колени мелко подрагивали, сердце грохотало в ребра с чудовищной силой, а шелк на теле казался раскаленным металлом.

Она взглянула на свое отражение. Молочный шелк сидел на ней идеально, подчеркивая тонкую талию и изгиб груди.

Сжав кулаки, Ева подошла к стойке и резко сорвала с вешалки узкую шерстяную юбку.

Стрелка настенных швейцарских часов в приемной щелкнула, встав ровно на двенадцать. Девять утра.

Ева толкнула тяжелую стеклянную дверь из матового триплекса и вошла в святилище Марка Северского.

Кабинет председателя правления на шестидесятом этаже поражал монументальностью. Ева поискала взглядом, за что зацепиться, и вновь увидела только мониторы на столе хозяина. Пол был выложен плитами из черного полированного лабрадорита с синеватыми искрами, отражавшими холодный свет панорамных окон. За бронированным стеклом растянулась Москва, укутанная осенней пеленой дождя и низких облаков. В центре зала высился циклопический стол из черного габбро-диабазы, на котором стояли только три монитора торгового терминала и тонкая платиновая подставка с перьевой ручкой.

В пяти метрах по диагонали от этого гранитного утеса стоял второй стол — из темного мореного дуба, чуть меньше, но тоже массивный. На нем высилась полуметровая стопка тяжелых картонных папок на тесемках.

Марк уже сидел в своем глубоком кожаном кресле. Он даже не поднял глаз, когда цоканье ее каблучков нарушило тишину:

— Опоздание на сорок секунд, Орлова. В следующий раз вычту из суточных твоего отца на лекарства. Садись.

Ева стиснула зубы так, что заболели желваки. Ее узкая черная юбка-карандаш туго обтягивала бедра, заставляя держать идеальную осанку, а высокий воротник молочной блузки давил на горло, напоминая о следе его пальцев. Она подошла к дубовому столу, выдвинула тяжелое кресло и села, сложив руки на коленях.

— Каковы мои обязанности, Марк Дмитриевич? — ее голос прозвучал подчеркнуто сухо и ледяно, с безупречной интонацией вышколенного секретаря. — Принести вам кофе? Подать пальто? Или сразу встать на колени для отчета?

Марк медленно оторвал взгляд от котировок на экране. В его прищуренных глазах промелькнула искра опасного веселья:

— На колени ты встанешь тогда, когда я сочту нужным. А пока займись тем, на что способны твои мозги, если они не атрофировались в частных пансионах Швейцарии. Перед тобой ликвидационные балансы трех дочерних предприятий «Орлов-Инвеста». Мои аудиторы закончили предварительную оценку. Твоя задача — провести перекрестную сверку активов и кредиторской задолженности. Каждая нестыковка должна быть выделена красным маркером. До вечера ты не встаешь из-за этого стола.

Ева молча придвинула к себе верхнюю папку.

Первый час она работала в режиме глухой, демонстратив-

ной забастовки. Она переворачивала плотные листы с бухгалтерскими балансами с нарочитой медлительностью, по-долгу всматриваясь в каждую строчку, словно впервые видела налоговые декларации. Марк краем глаза следил за ее движениями, но не сделал ни единого замечания. Он лишь изредка бросал на нее короткие, насмешливые взгляды хозяина, наблюдающего за сопротивлением пойманной птицы.

А затем кабинет наполнился его голосом — и притворяться стало невозможно.

У Марка начался селекторный марафон. Он включил громкую связь на настольном терминале. В течение следующих двух часов тишину кабинета сотрясали доклады вице-президентов, банковских аналитиков и чиновников высшего ранга.

Ева невольно слушала каждое слово. Марк вел переговоры с беспощадной, математической точностью. Он не повышал голоса, но его низкий, густой баритон обладал сокрушительной силой пресса. Он ловил собеседников на малейших неточностях в сотые доли процента, срезал пустые оправдания двумя короткими словами и принимал решения о миллиардных сделках за считанные секунды.

— Нет, Виктор Сергеевич. — Марк положил ручку поперек открытого ежедневника. Из динамика донеслась попытка возразить; он заговорил поверх нее. — Пул госбанков не получит долю в портовом терминале. Либо они реструктурируют долг под пять с половиной годовых до конца дня,

либо завтра утром я выкупаю их облигации с дисконтом в тридцать процентов через нейтральный фонд. Выбирайте. У вас три часа.

Собеседник на том конце провода сбивчиво благодарил и поспешно отключался.

Ева поймала себя на том, что ее взгляд уже несколько минут прикован к мужчине напротив. К тому, как перекачиваются мышцы под тонкой тканью его жилета, когда он наклоняется вперед. К его сильным рукам с выступающими венами и длинными пальцами, между которыми перекачивалась перьевая ручка. К хищному профилю с четкой линией челюсти, покрытой аккуратной темной щетиной. В нем была первобытная, пугающая мощь истинного вожака стаи — того, кто забирает добычу по праву силы и не знает сомнений.

От этого осознания у нее по спине пробежал странный, обжигающий холодок. Ева с силой мотнула головой, прогоняя наваждение, и с удвоенной яростью уткнулась в бумаги.

Она открыла четвертую по счету папку — сводный отчет по логистическому хабу «Северный Терминал». Это был один из крупнейших инвестиционных проектов ее отца, начатый за полтора года до банкротства.

На титульном листе стояла размашистая подпись вице-президента Германа Сабурова.

При виде этой фамилии у Евы внутри все вскипело. Сабуров. Человек, которого ее отец вытащил из мелких клерков, сделал своим первым заместителем, ввел в семью и осы-

пал миллионными бонусами. И именно Сабуров первым побежал к Северскому, передав ему ключи от внутренних финансовых проводок «Орлов-Инвеста», когда запахло грозой.

Ева начала вчитываться в сметы субподрядных организаций.

Ее отец учил ее бизнесу с восемнадцати лет. Каждое лето она проводила не на лазурных курортах, а на стройплощадках и в расчетных отделах карьеров. Она знала реальную себестоимость тонны гранитного щебня, кубометра бетона марки М400 и фрахта железнодорожных платформ лучше любого дипломированного аудитора.

Через двадцать минут ее глаза расширились от изумления.

Она перевернула страницу, затем еще одну, быстро щелкая клавишами настольного калькулятора. Цифры сходились в ошеломительную картину неприкрытого, наглого грабежа.

Сабуров провел поставки щебня и железобетонных конструкций для фундамента терминала через никому не известную фирму-однодневку «Вектор-Трейд». Тарифы на железнодорожную логистику были завышены ровно на сорок два процента по сравнению с рыночными ценами ОАО «РЖД». Разница оседала на счетах подставной компании в Белизе.

Чистый вывод средств составлял ровно триста двенадцать миллионов рублей.

И самое поразительное — под рамочным актом согласования сметы стояла не только подпись Сабурова, но и свежая факсимильная виза инвестиционного комитета «Север-Капитала».

Ева почувствовала, как кровь приливает к щекам от яростного торжества. Ее пальцы сжали красный маркер. Она жирными линиями обвела фиктивные акты приемки, сделала на полях перекрестные расчеты с указанием реальных номеров карьеров и тарифов и захлопнула папку.

Она поднялась со своего места. Ее каблук звонко отчеканили пять метров по полированному лабрадориту.

Марк, только что закончивший очередной звонок, поднял голову. Его брови слегка приподнялись при виде ее пылающего лица и решительной походки.

Ева подошла к его столу и с глухим, тяжелым стуком опустила раскрытую папку прямо перед его локтями.

— Ваш хваленый перебежчик Сабуров, ради которого вы растоптали моего отца, обворовывает вас прямо под носом, господин Северский, — отчеканила она, не отводя взгляда.

Марк не шелохнулся. Его серые глаза с ледяным прищуром уставились на нее:

— Поясни. Без лирики.

— Логистический хаб в Серпухове, — Ева наклонилась над столом, опершись ладонью о край полированного камня. Ее пальцы случайно легли на край кожаного переплета папки — точно туда, где лежала тяжелая рука Марка.

Их мизинцы соприкоснулись.

Это было крошечное, мимолетное касание, но Еву словно ударило электрическим разрядом в сотню вольт. Воздух между ними мгновенно наэлектризовался. Марк не убрал руку. Напротив, его пальцы едва заметно сдвинулись, накрывая край ее ладони горячей, шершавой тяжестью. Его зрачки расширились, поглощая серую радужку.

Ева заставила себя не отдернуть руку, хотя сердце заколотилось где-то у самого горла:

— Фирма «Вектор-Трейд». Завышение тарифов на сорок два процента. Поставки щебня оформлены через карьер в Карелии, хотя фактически его везли из Воронежской области с плечом вдвое короче. Триста двенадцать миллионов рублей выведены на счета в офшоре за последние четыре месяца. Под визой вашего инвестиционного комитета.

Марк медленно перевел взгляд на страницы. Его глаза забегали по ее четким, ровным колонкам цифр и выкладкам на полях. В кабинете повисла мертвая, звенящая тишина. Было слышно только, как за стеклом шелестит осенний дождь.

Прошла минута. Затем вторая.

Лицо Марка стало непроницаемым, как гранитная плита под его руками. Лишь желваки на его челюсти ожесточенно качнулись.

Он медленно захлопнул папку. Его пальцы соскользнули с ее ладони, оставив на коже ощущение жгучего следа. Марк поднялся из кресла во весь свой огромный рост, нависая над

столом.

— Ты уверена в этих цифрах, Орлова?

— Я вела бухгалтерию этих карьеров вместе с отцом, когда Сабуров еще бегал за кофе по коридорам, — надменно бросила Ева, расправляя плечи. — Можете отправить туда хоть десять своих комиссий. Каждая цифра подтвердится.

Марк смотрел на нее долгим, нечитаемым взглядом. Он еще раз посмотрел на ее расчеты и придвинул папку к своему терминалу, поверх собственных бумаг. Когда поднял глаза, Ева увидела в них азарт: теперь он ждал от нее следующего хода.

— Умница, — негромко произнес он, и этот скупой комплимент отозвался в груди Евы неожиданным, теплым толчком. — Сабуров получит свой расчет раньше, чем рассчитывал. Но расслабляться не советую.

Он обошел стол, остановившись в полушаге от нее:

— С этой минуты ты лично проверяешь каждый входящий документ из департамента Сабурова. Все контракты, все сметы, все до единой платежки. Твой рабочий день продлевается до полуночи.

— До полуночи? — Ева возмущенно вскинула подбородок. — Это издевательство!

— Это служба, волчонок, — Марк наклонился к ней, его дыхание с запахом бергамота коснулось ее губ. — Ты хотела доказать, что не просто трофей? Ты это доказала. А теперь иди за свой стол и продолжай работать. Кофе принесут через

три минуты.

Он нажал клавишу защищенной связи на селекторе:

— Рудин. Срочно зайди ко мне. И подними финансовую разведку по счетам Сабурова за последний квартал.

Ева развернулась и пошла к своему столу, чувствуя, как горит спина под его неотрывным взглядом. Впервые за эти страшные дни внутри нее проснулось пьянящее чувство победы: она нанесла первый удар.

Глава 7

Часы на мраморной стене показывали без четверти девять вечера.

Шестидесятый этаж давно погрузился в тишину. Секретариат и аналитический отдел разошлись еще два часа назад. В бесконечных коридорах из дымчатого стекла и темного мрамора горела лишь дежурная ночная подсветка — мягкие янтарные полосы вдоль плинтусов, отбрасывавшие длинные тени.

У Евы раскалывалась голова. Перед глазами плыли таблицы, расчетные счета и бесконечные колонки налоговых вычетов. Ее пальцы затекли, шея одеревенела от высокого воротника блузки, а во рту стоял горький привкус остывшего кофе.

Она отодвинула очередную папку, поднялась со стула и тихо выскользнула из кабинета. Марк уже полчаса находился в закрытой комнате переговоров с начальником службы безопасности Рудиным, изучая поднятые банковские проводки.

Еве требовалось сделать хотя бы глоток свежей воды и умыться.

Она пошла по широкому безлюдному холлу к зоне кофе-пойнта у скоростных панорамных лифтов. Звук ее каблучков гулко разносился под высокими потолками, отражаясь от зеркальных панелей.

Внезапно боковая дверь малого банкетного зала распахнулась.

В холл нетвердой походкой вышел мужчина. Его дорогой серый пиджак от Brioni был расстегнут, шелковый галстук сбит набок, а ворот рубашки распушен. В воздухе мгновенно запахло дорогим односолодовым виски и терпким парфю-

мом.

Герман Сабуров.

Он только что закончил закрытый ужин с подрядчиками из министерства и, судя по мутному блеску бегающих глаз, успел изрядно выпить. Увидев Еву, идущую к лифтовому холлу, он замер на месте, а затем на его холемом, лоснящемся лице расплылась гадкая, масляная улыбка.

— Ба... Кого я вижу! — его голос прозвучал с хрипотцой, разносясь по пустому коридору. — Сама Ева Анатольевна Орлова. Наследница великой строительной империи.

Ева замерла, сжав пальцы. Внутри нее все заledenело:

— Отойди с дороги, Сабуров.

Она попыталась обойти его справа, но Герман сделал быстрый шаг в сторону, перекрывая проход своим грузным телом.

— Куда ты спешишь, девочка? — протянул он, оглядывая ее с головы до ног липким, раздевающим взглядом. — Поглядите на нее... Шелк, юбочка в обтяжку. Быстро же ты освоилась на шее у палача своего папаша. Каково это, а, Евочка? Спать с человеком, который втоптал твою семью в грязь и загнал старика Анатолия под капельницу? Удобно устроилась?

— Пошел вон, предатель, — процедила Ева, глядя на него с незамутненным отвращением. — Если ты сейчас же не уберешься, я вызову охрану.

Сабуров хрипло расхохотался, обнажая ровные белые зу-

бы:

— Охрану? Девочка моя, я вице-президент этого холдинга! Я принес Северскому активы твоего отца на блюдечке с золотой каемкой! Без меня Марк ковырялся бы с вашим банкротством еще года два. А ты здесь — просто временная подстилка. Трофей, который выбросят на помойку через месяц, когда наиграются.

Он шагнул вперед, сокращая расстояние:

— А ведь я предлагал тебе нормальный вариант, Ева. Помнишь, год назад, на юбилей отца? Я предлагал тебе уйти ко мне. Я бы снял тебе квартиру на Патриарших, завалил бы бриллиантами. И сейчас предлагаю. Бросай этого психопата. Поехали со мной в ресторан прямо сейчас. Я заплачу за тебя втрое больше, чем этот отморозок.

Сабуров протянул влажную, тяжелую ладонь и резко, с силой схватил Еву за тонкое обнаженное запястье, дергая ее на себя.

Его пальцы впились в кожу железными тисками. Дохнуло перегаром и чужим, отвратительным жаром.

— Не строй из себя недотрогу, дрянь! — прошипел он, прижимая ее к себе. — Я знаю, сколько ты стоишь...

Договорить он не успел.

В Еве взорвалась ярость ее древнего, аристократического рода. Ева уперлась каблуком в пол, останавливая рывок к нему. Ее свободная левая рука взметнулась в воздух и с оглушительным, хлестким свистом опустилась на холеную щеку

Сабурова.

Звук звонкой пощечины разорвал тишину холла, как выстрел.

Голову Сабурова мотнуло в сторону. Его нижняя губа лопнула о зубы, по подбородку потекла тонкая алая струйка крови.

— Убери от меня свои грязные лапы, шакал! — крикнула Ева, вырывая руку.

На секунду Сабуров опешил. Но в следующий миг его лицо исказилось от дикой, пьяной, звериной злобы. Глаза налились кровью. Он зарычал, сжимая ее запястье до треска в суставах, заломил ее руку назад и занес здоровенный кулак для ответного сокрушительного удара прямо в лицо девушки:

— Ах ты шлюха!.. Я сломаю тебе челюсть!

Ева зажмурилась, инстинктивно втягивая голову в плечи. Удар так и не пришелся.

Из полумрака коридора за ее спиной метнулась черная молния. Движение было настолько быстрым, бесшумным и смертоносным, что человеческий глаз едва успел бы его зафиксировать.

Тяжелая, отлитая из стали ладонь Марка Северского перехватила занесенную руку Сабурова прямо в воздухе — в десяти сантиметрах от лица Евы.

Пальцы Марка сомкнулись на лучезапястном суставе вице-президента, словно гидравлический промышленный

пресс.

Сабуров поперхнулся воздухом. Его лицо мгновенно посерело. Он попытался вырваться, но хватка была абсолютной.

Марк стоял над ним — огромный, темный, страшный. Он смотрел на захваченное запястье, будто уже выбрал место следующего движения. Сабуров перестал вырваться и задышал ртом.

— Ты тронул ее, — произнес Марк. Голос прозвучал пугающе тихо, на низких, вибрирующих частотах, от которых задрожали стеклянные панели.

Марк повернул захваченную кисть наружу и вниз. Сабуров согнулся, пытаясь уйти за вывернутой рукой.

По холлу прокатился жуткий, сухой, тошнотворный хруст ломающихся костей и рвущихся суставных связок.

Сабуров взвыл, разжимая руку на запястье Евы. Она отшатнулась к стене. Его ноги подкосились, и он с глухим стуком рухнул обоими коленями на полированный лабрадорит, выставив свободную ладонь перед собой.

Но Марк не остановился.

Он сделал полшага вперед, поднял тяжелый начищенный ботинок из жесткой кожи и со всей силы опустил каблук прямо на растопыренные пальцы второй руки Сабурова, припечатывая их к каменному полу.

Раздался новый хруст. Сабуров забился на полу, царапая мрамор разбитыми ногтями, из его рассеченной губы брыз-

нула слюна вперемешку с кровью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.